

Юрий Буйда

Длинные тени

*Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен*

Юрий Васильевич Буйда

Длинные тени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21180100

Буйда, Юрий Васильевич. Покидая Аркадию. Книга перемен : роман:

Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-90768-7

Аннотация

«...Муратов вышел на террасу, вставил флэшку в компьютер, налил в стакан бренди, закурил и сел в кресло.

Зазвучала музыка – это был двадцатый концерт Моцарта для фортепиано с оркестром ре минор.

Ниночка, завернутая до груди в полотенце, с мокрыми волосами, неслышно подошла, села рядом, отпила из его стакана, взяла его сигарету, затянулась.

– Боюсь даже спрашивать, о чем ты думаешь, – сказала она, когда отзвучала музыка.

– О Татьяне, – сказал он. – Лет двадцать назад, когда подъезды в Москве не закрывали бронированными дверями, к нам зашла погреться одна нищенка, Татьяна. Никогда не видел, чтобы она побиралась, но говорили, что сильно бедствует... Была ночь, мороз доходил до тридцати... Жильцы дома облили ее водой и выгнали из подъезда на улицу. Она замерзла насмерть в нашем дворе. А через два дня я столкнулся на крещенской службе с той

бабой, которая облила водой нищенку, – ты бы видела, какое лицо у нее было, у этой бабы... какой свет был в ее лице... она внимала Христу и плакала...»

Юрий Буйда

Длинные тени

Эту девушку Муратов заметил вечером в ресторане отеля. Она сидела одна, склонившись над тарелкой и исподлобья поглядывая на компанию итальянцев, которые весело галдели за соседним столиком. Заказала вино, взяла бокал за ножку узловатыми тонкими пальцами, долго и недоверчиво принюхивалась, прежде чем сделать глоток. У нее было узкое бледное лицо, длинный нос с горбинкой, волосы цвета желтой меди и почти бесцветные губы. Время от времени она поеживалась, как будто зябла, хотя на ней были пиджак и юбка из плотной ткани.

Муратов равнодушно разглядывал ее. Некрасивая, скованная, одинокая, холодная, страдающая паранойей провинциалка, вечно озабоченная тем, что думают о ней окружающие. Весь год копила деньги, экономя на еде, чтобы съездить за границу. Ей двадцать пять, а то и тридцать. Зовут ее, конечно, Эльвирой или Жанной. Хочет замуж, но не за соседа-автомеханика, а за Джонни Деппа, хотя никогда в этом не признается. Работает кассиром в банке или мелким клерком в государственном учреждении. Ни подруг, ни друзей. Живет с родителями в квартирке с турецким ковром на стене, по вечерам стирает колготки, читает дамские романы и, как всякая русская женщина, любит сладкое вино.

Часа через два Муратов встретил эту девушку в компании двух потных толстух у магазина в центре города. Толстухи разглядывали шубы, вывешенные в витрине, и громко переводили цены в рубли, а девушка стояла поодаль, прижав к животу маленькую сумочку, и смотрела на огромный платан, крона которого была вызолочена уличным фонарем.

Муратов прогулялся по набережной до ротонды, уже окруженной зеваками.

Как всегда в это время, здесь выступал оркестр, и прекрасная пышка Ниночка в красном открытом платье до пят исполняла «Хабанеру», приподнимаясь на цыпочки и так широко открывая рот, что виден был ее трепещущий язык.

Когда-то она исполняла брючные партии – Ваню в «Сусанине» или Ратмира в «Руслане и Людмиле», но однажды все бросила и вот уже пятый год разъезжала по средиземноморским островам, выступая перед туристами.

Между тротуаром и ротондой на складном стульчике под деревом совершенно неподвижно сидел маленький старичок, тепло одетый, застегнутый на все пуговицы, лысый, в берете, с изумленным взглядом, устремленным к небу, и широко открытым беззубым ртом, в который подвыпившие туристы иногда бросали монетки.

Закончив выступление, Ниночка пробралась через толпу, придерживая подол кончиками пальцев и отдуваясь, подхватила Муратова под руку, он поцеловал ее в волосы, и они отправились в ресторан.

Когда сели за стол, Ниночка достала из сумочки конвертик.

– Обещанное, – сказала она. – Пианист совсем еще мальчик, но какое он чудо! Это, конечно, в зале надо слушать, а не с флэшки...

Подошла официантка, приняла заказ.

– Павел Николаевич, – сказала она, раскладывая на столе ножи и вилки, – ваш заказ ждет.

– После ужина, Наташа, хорошо?

– Ага, я скажу Джеку.

– Все плохо? – спросила Ниночка, кладя свою пухлую ручку на его кулак.

– Терпимо, – сказал он. – Ты надолго?

– Завтра улетаю на Крит.

– Когда?

– В девять надо быть в аэропорту.

– Может, для начала по бокалу коккинали? – предложил он.

Ниночка плотоядно облизнулась.

– Я бы сейчас узо выпила. Холодненького узо.

И от нее с особенной силой запахло потом.

После ужина, расплатившись с Джеком за таблетки, Муратов повел Ниночку в отель.

Он занимал большой номер с террасой, с которой поверх крыш соседних домов было видно Эгейское море – почти черное, с белыми гребнями пены.

– Я в душ, – сказала Ниночка. – Вспотела, как жница на барщине.

Муратов вышел на террасу, вставил флэшку в компьютер, налил в стакан бренди, закурил и сел в кресло.

Зазвучала музыка – это был двадцатый концерт Моцарта для фортепиано с оркестром ре минор.

Ниночка, завернутая до груди в полотенце, с мокрыми волосами, неслышно подошла, села рядом, отпила из его стакана, взяла его сигарету, затаилась.

– Боюсь даже спрашивать, о чем ты думаешь, – сказала она, когда отзвучала музыка.

– О Татьяне, – сказал он. – Лет двадцать назад, когда подъезды в Москве не закрывали бронированными дверями, к нам зашла погреться одна нищенка, Татьяна. Никогда не видел, чтобы она побиралась, но говорили, что сильно бедствует... Была ночь, мороз доходил до тридцати... Жильцы дома облили ее водой и выгнали из подъезда на улицу. Она замерзла насмерть в нашем дворе. А через два дня я столкнулся на крещенской службе с той бабой, которая облила водой нищенку, – ты бы видела, какое лицо у нее было, у этой бабы... какой свет был в ее лице... она внимала Христу и плакала... Вот тогда я впервые и задумался о том, чтобы уехать из России навсегда...

– Но не уехал...

Ниночка села на подлокотник кресла, прижалась к Муратову.

– Это все Моцарт, – сказала она. – Чертов Моцарт...

Он промолчал.

– Хочешь – просто ляжем спать?

– Нет. – Он встрепенулся. – Вот уж нет! Я превосходно себя чувствую!

– Тогда... – Она томно улыбнулась, повернулась к нему спиной, оперлась руками о низкую спинку дивана, выгнула спину и, похлопывая себя по пышным ягодицам, промурлыкала: – Добро пожаловать домой, любимый...

Утром, посадив Ниночку в такси, он отправился на пляж.

Впереди на узкой улочке, круто спускавшейся от отеля к морю, он увидел девушку, на которую обратил внимание за ужином. В широкополой зеленой шляпе, сарафане и босножках, она осторожно ступала по тротуару, держа в руке на отлете матерчатую сумку с торчавшим из нее соломенным пляжным ковриком.

Внезапно ветром с нее сорвало шляпу, которая взлетела вверх, перевернулась и упала к ногам Муратова.

Девушка с напряженным лицом ждала, когда он отдаст шляпу.

– Эвхаристо, – сказала она неуверенно.

– Паракало, – сказал Павел Николаевич. – Вы ведь на пляж? Можно составить вам компанию?

Она пожала плечами.

– Пляж здесь плохой, – сказала она. – И море ужасное.

– Эгейское море всегда бурлит, – сказал он. – Поэтому

все ходят на Средиземное. Вон туда, к Аквариуму. Там и вода спокойная, и берег песчаный. – Протянул руку. – Павел Муратов. Павел Николаевич.

Поколебавшись, она неохотно пожала его руку.

– Диана...

По пути к Аквариуму Муратову только и удалось узнать, что Диана приехала из маленького города во Владимирской области, где работает в налоговой службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.